

На следующий день сын Ма Саня под предлогом покупки лекарств отправился в уезд.

Он долго и осторожно расспрашивал, пока не узнал, что единственный антикварный магазин в уезде называется Цзиньюйтан. Говорили, что за ним стоит какой-то могущественный клан Чэнь, у которого огромные связи. Сын Ма Саня долго колебался, но делать было нечего, и он отправился туда.

Придя в Цзиньюйтан, он выяснил, что дела у них идут настолько хорошо, что они даже не помышляют о поездках по деревням ради скупки товара. Лишь после того, как парень начал клясться и божиться, что у них есть стоящая вещь, они согласились отправить человека.

Цзиньюйтан выделил знатока древностей, который представился просто как старина Чэнь. Он притворился доктором и вместе с сыном Ма Саня отправился в деревню.

Ма Сань в это время ждал их дома. Ранение его было несерьезным, и после того как накануне вечером спала сильная лихорадка, он чувствовал себя почти здоровым. Однако по ночам ему постоянно слышался чей-то плач — тихие, жалобные всхлипы, от которых сжималось сердце. Он не придавал этому значения, полагая, что это лишь бред после высокой температуры.

Когда сын привел скупщика, Ма Сань велел жене накрыть стол, а сам отвел гостя в спальню и достал статуэтку.

Как только старина Чэнь увидел ее, его глаза загорелись. Похоже, это была бронза. Взяв статуэтку в руки и внимательно осмотрев ее, он окончательно успокоился.

Старина Чэнь встретился взглядом с ожидающим Ма Санем и усмехнулся:

— Не зря приехал, вещь действительно стоящая. Скорее всего, эпоха среднего или позднего Тан.

Он бережно держал бронзовую фигурку девочки и спросил:

— Сколько хочешь за нее?

Услышав, что это сокровище конца династии Тан, Ма Сань просиял — все страхи оказались не напрасны. Сын, стоявший рядом, уже не мог скрыть довольной улыбки.

Но когда старина Чэнь попросил назвать цену, Ма Сань растерялся. Он понятия не имел, сколько это может стоить, и в нерешительности уставился на гостя.

Старина Чэнь медленно поднял руку и выставил ладонь.

Ма Сань посмотрел на пальцы и осторожно спросил:

— Пятьдесят тысяч?

Сын с замиранием сердца следил за реакцией скупщика.

Старина Чэнь опустил руку и утвердительно кивнул:

— Именно пятьдесят тысяч.

— Пять... пятьдесят тысяч?! — сердце сына забилося в бешеном ритме. Он и представить не мог, что это принесет такие деньги! А вот Ма Сань заколебался.

Старина Чэнь по выражению лица сразу понял, что тот хочет большего, и приподнял бровь:

— Боишься, что я тебя обману? Поспрашивай вокруг, наш Цзиньютан славится своей честностью. К тому же в Лунчуане мы единственный антикварный магазин, кому ты еще это продашь?

Сказав это жестко, он смягчил тон:

— Если сомневаешься и не спешишь, пусть сын съездит в город и покажет вещь в других местах. Если предложат больше — продавай им.

Если бы не строгий наказ хозяина не обижать людей при скупке, он бы с радостью сказал, что эта штука и гроша ломаного не стоит! Подделка, все это подделка!

Он планировал купить за бесценок, а потом перепродать за огромные деньги, но сейчас приходилось честно платить. Впрочем, Цзиньютан никогда не работал себе в убыток. И их хозяин был настоящим чудачком среди всех Чэней.

Ма Сань опустил голову, о чем-то размышляя. Его сын был готов сам дать согласие за отца — это же пятьдесят тысяч! Хватило бы и на лечение бабушки, и еще бы осталось.

— Хорошо, по рукам! Пятьдесят тысяч!

Сын радостно посмотрел на отца. Ма Сань тоже все обдумал: болезнь матери нельзя больше запускать, сын подрос, скоро жениться — везде нужны деньги.

Искать покупателей по всему свету долго, да и можно привлечь ненужное внимание. Лучше продать сейчас.

— Отлично, — кивнул старина Чэнь. — Значит, договорились? Завтра поедem в уезд за деньгами?

Ма Сань решительно кивнул:

— Да, пятьдесят тысяч, решено. Уже поздно, давайте сначала поужинаем, поедим и поговорим, расскажете нам, что это за статуэтка такая.

— Идет, — старина Чэнь тоже хотел за выпивкой выведать, откуда взялась эта вещь.

Когда все расселись за столом, сын передал матери радостную весть. Она была так счастлива, что отвернулась, чтобы скрыть слезы, а потом, придя в себя, наложила еды и отнесла матери Ма Саня.

За ужином старина Чэнь подробно рассказал о значении статуэтки и особенностях персонажа. В итоге Ма Сань и его семья поняли лишь то, что это эпоха позднего Тан, изображена девушка-дракон, а техника резьбы имеет черты национальных меньшинств. Про складки платья и линии они благополучно забыли.

— Это ведь не семейная реликвия, верно? Похоже, только что из земли, — старина Чэнь многозначительно посмотрел на Ма Саня. Тот ответил уклончиво, сказал, что нашел в горах, но где именно и как — умолчал.

Старина Чэнь понимающе кивнул и больше не расспрашивал.

К глубокой ночи за столом остались только двое. Жена и сын Ма Саня уже поели и сидели у плиты, тихо переговариваясь о том, на что потратить деньги.

— Если бы не мать, разве полез бы я в те горы? Ты даже не представляешь, как там... ик... опасно! — Ма Сань заплетающимся языком изливал свою горечь. — Я... я такой никчемный...

Старина Чэнь держался лучше, стараясь сохранять рассудок, но, видя, как Ма Сань расплакался, тяжело вздохнул.

— Старина Ма, ну чего ты? Скоро же деньги получишь. Не волнуйся, наш Цзиньютан не обманывает. Пятьдесят тысяч — значит пятьдесят тысяч, будь спокоен!

Но Ма Сань продолжал плакать, уткнувшись в стол. От его всхлипов становилось не по себе. Старина Чэнь похлопал его по плечу:

— Мужчины не плачут. Давай выпьем за тебя.

Он хотел залпом осушить чарку, но вдруг плач Ма Саня стал громче. Старина Чэнь замер. Даже жена и сын у плиты услышали это. Сын в растерянности посмотрел на мать. Она неловко поправила фартук и извиняюще улыбнулась:

— Старина Ма... что-то перенервничал в последнее время. Раньше такого не было, наверное,

перепил... он...

Она не успела договорить, как Ма Сань вдруг поднял лицо и издал пронзительный, нечеловеческий вопль. Все трое оцепенели — нормальный человек так кричать не мог.

Увидев жуткое лицо Ма Саня, старина Чэнь похолодел. Он посмотрел на статуэтку, стоявшую на столе — глаза девочки-статуэтки были устремлены прямо на Ма Саня.

В маленькой комнате воцарилась гнетущая тишина. Жена Ма Саня в нерешительности сделала шаг к мужу.

Грохот!

Ма Сань резко вскочил, опрокинув скамью. Женщина замерла от страха. В следующую секунду Ма Сань схватил статуэтку и выбежал из дома.

Все застыли. Первым пришел в себя старина Чэнь:

— Скорее, догоняйте его!

Жена и сын очнулись и бросились следом. Старина Чэнь тоже было побежал, но внезапно остановился, словно вспомнив что-то. Он медленно посмотрел на свои руки и вмиг покрылся холодным потом.

Когда сын Ма Саня вернулся домой, было уже после обеда следующего дня. Старина Чэнь и жена Ма Саня, вернувшаяся еще под утро, сидели в комнате, ожидая его.

Увидев сына, женщина тут же спросила:

— Где отец? Он не нашелся?

Увидев, что сын отрицательно качает головой, она обессиленно рухнула на скамью.

Старина Чэнь хриплым голосом произнес:

— Хуцзы, садись. Рассказывай мне все как есть: откуда, черт возьми, взялась эта бронзовая статуэтка?

Сын опешил. Его мать пришла в себя, схватила его за одежду и притянула к старине Чэню. Она с силой ткнула сына в голову:

— Говори! Рассказывай ему все, как было! Что теперь делать-то, а?

Видя изможденное лицо сына, который не спал двое суток, мать пожалела его:

— Я приготовлю тебе поесть, рассказывай, пока ешь.

Сын открыл рот, не зная, с чего начать. Старина Чэнь, видя его растерянность, протянул ему сигарету.

Парень взял ее, прикурил от руки старика, глубоко затянулся и попытался собраться с мыслями.

Старина Чэнь сидел с сигаретой в зубах, подперев голову рукой, и молча слушал. Пол вокруг был усеян окурками.

Мать подогрела остатки еды и поставила перед сыном. Она тоже села слушать. Раньше Ма Сань, боясь напугать жену, рассказывал о пещере только сыну, да и то в основном для того, чтобы тот не полез туда из жадности и не погубил свою жизнь.

Когда история была закончена, в комнате слышалось лишь то, как сын жадно ест. Старина Чэнь раздраженно потер голову, встал и собрался уходить.

Жена Ма Саня бросилась к нему, умоляя:

— Вы ведь поняли, что происходит, правда? Умоляю, спасите старину Ма! Спасите его...

Сын тоже подбежал к нему. Старина Чэнь оттолкнул ее руку и рявкнул:

— Как я его спасу?! Я, черт возьми, просто скупщик! Если меня это коснется, что мне делать? А? Я сам не знаю, что будет!

Сказав это, он ушел, не оглядываясь. Женщина сделала пару шагов следом, но замерла, не зная, что сказать. Она бессильно смотрела ему в спину, прикрыв рот рукой, и беззвучно заплакала, боясь, что свекровь услышит.

Поплакав, она вдруг схватила сына за руку:

— Ты ведь не трогал эту статуэтку, правда?

Сын, испугавшись взгляда матери, затряс головой:

— Нет! Отец не разрешал, боялся, что я по неосторожности сломаю ее.

Мать с облегчением выдохнула. Она встала, начала собирать вещи.

— Мам, ты... ты куда? — недоуменно спросил сын.

Закинув сумку на плечо, она сказала:

— Я пойду к той пещере и буду ждать, пока отец выйдет. Ты каждый день носи мне еду, а за бабушкой присматривай. И ни слова ей об отце, понял?

Сын посмотрел на заплаканное лицо матери и дрожащим голосом произнес:

— Мам, давай я пойду. Дорога в горах тяжелая, не ходи ты.

Она покачала головой. Кормилец семьи исчез, и сын не должен подвергать себя риску.

Тем временем старина Чэнь вернулся в магазин и доложил обо всем Чэнь Фэну. Обсудив ситуацию, они решили, что это похоже на проклятие, и ночью отправились искать мастера, сведущего в подобных делах.

Первая ночь после возвращения старины Чэня в магазин прошла спокойно, и все немного выдохнули.

<http://bllate.org/book/21354/2170937>